

расширяют состав гнезда, объединяющего слова с анатомическим значением (ср. ЭССЯ 5, 202: **дыте*).

Ценность опубликованных выпусков в том, что они предоставляют читателю полный свод этимологических версий. Высокий профессионализм, полнота и надежность представленного в словаре материала делают это издание ценным справочным пособием по славянской этимологии.

Л.В. Куркина*

Wiesław Boryś, Hanna Popowska-Taborska.
Słownik etymologiczny kaszubszczyzny.
Tom I. A–Ć. Warszawa, 1994. 272 s.

Накануне окончания XX века можно с полным основанием утверждать, что важнейшим достижением славистики второй половины этого века стал подъем славянской этимологии, итогом и показателем которого является создание целой серии этимологических словарей. Их массированное появление за относительно небольшой (при учете трудо- и наукоемкости предприятий) период означает реализацию определенной закономерности развития славянского диахронического языкознания, сущность которой, вероятно, в том, что накопление некоторых (минимальных или оптимальных) базовых материальных и теоретических фондов в других его областях (исторической грамматике, словообразовании, диалектологии, исторической и диалектной лексикологии и лексикографии) обусловило и возможность, и необходимость этимологического осмысления лексики на новом уровне. И выход в свет рецензируемого словаря – еще одно подтверждение этого.

В серии славянских этимологических словарей "Słownik etymologiczny kaszubszczyzny" (далее, в соответствии с авторским употреблением, – SEK) займет особое место: это предопределено объектом исследования. Специфика польского словообразования дала авторам возможность избежать в названии словаря ("Słownik ... kaszubszczyzny") выражения своего решения старого, но все еще открытого вопроса о статусе kaszubszczyzny: отдельный славянский язык или диалект польского? Но во вступительной части SEK, в связи с необходимостью изложения методики исследования и структуры словарных статей, определенно признается разработка темы как этимологического словаря группы диалектов (кашубского, словинского, поморского) польского языка и подчеркивается специфика SEK как первого д и а л е к т н о г о этимологического словаря (с. 8).

Адекватность исполнения поставленной научной задачи гарантирована авторским коллективом – творческим содружеством известной исследовательницы кашубско-словинских диалектов (включая и этимологический аспект) Г. Поповской-Таборской и не менее известного слависта-этимолога В. Борыся, одного из авторов краковского "Праславянского словаря" (SP) и руководителя соответствующего научного коллектива. Словарные статьи I тома SEK поделены между соавторами приблизительно поровну следующим образом: *aba – bzinka* (с. 69–178) – автор Г. Поповская-Таборская, *barda – čyńćc* (с. 178–272) – автор В. Борысь.

Специфика объекта исследования обусловила многие структурные особенности SEK, прежде всего – значительный объем Введения (Wstęp – стр. 7–36, не считая краткого Od autorów, списка источников и литературы, рационально объединенных одним алфавитным порядком, и указателя сокращений). Введение содержит детальную и очень полезную информацию об истории этимологизации кашубской лексики, о ее диалектной дифференциации, о существующих источниках кашубских лексических материалов (с характеристикой специфики каждого) и о принятой в SEK форме нормализации записи кашубских звуков (авторы используют транскрипцию, разработанную при участии Т. Лера-Славинского и К. Нича для кашубского словаря Б. Сыхты). Наконец, во Введении

* © Л.В. Куркина

определены задачи и методы этимологизации в SEK. SEK характеризуется как диалектный этимологический словарь, дифференциальный по отношению к современному общепольскому языку; соответственно целью SEK является этимологизация кашубских слов, отличающихся от общепольских корней, особенностями словообразовательной структуры или семантикой (с. 29). Таким образом, объектами анализа оказываются и архаизмы, и неологизмы, и заимствования. Словарная статья ориентирована на отдельное слово, но для уяснения лексического окружения или усиления аргументации или во избежание повторов в статье нередко вводятся родственные параллельные образования или производные, что соответствует практике и других современных этимологических словарей с полексемной структурой словника.

Основой методики SEK является последовательный поэтапный анализ кашубской лексемы на фоне прежде всего кашубской лексики – с целью выяснения вероятности образования слова на базе кашубского диалекта, далее (при невозможности такого толкования) – на фоне польской лексики и лишь в случае отсутствия и здесь генетических связей – на инославянском фоне. И эта методика в принципе соответствует современным методам этимологизации лексики одного славянского языка с поэтапным углублением в ее генетические связи, но практика SEK, как и в других словарях, оказывается шире декларируемых методических рамок и инославянский фон присутствует в большинстве статей, посвященных автохтонной лексике. Эта практика оправдана и даже необходима, что особенно явно следует из материалов обоих современных этимологических словарей праславянского языка – SP и ЭССЯ: они избивают фактами сохранения в современных языках словообразовательных связей лексем, для которых весьма вероятно, однако, праславянская древность, так что самый факт "объяснимости" слова на базе его диалектного окружения не делает излишним (для уяснения времени его образования) обращение к инославянским соответствиям. Как уже было сказано, и SEK считается обычно с такого рода связями и поэтому, например, *č'osadlo* 'щетка для чесания волокна', даже при наличии кашуб. *č'osac* 'очищать волокно с помощью специального гребня', толкуется как продолжение праслав. **česadlo* (с. 232). Но с равными основаниями, кажется, и *bădac* должно точнее толковаться не как итератив к *bôšć* (с. 96), а как продолжение праслав. **badati*, и *blasknqč* – не как связанное с праслав. **blěskъ* (с. 119), а как преобразование праслав. **blъsknqti*, и *bradło* – не как производное от *brac* (с. 138), а как продолжение праслав. **bradלו*; для *buša* 'бабушка' также вероятнее упрощение праслав. **babuša* (ср. с.-хорв. *babuša*, чеш. *babuše*, словац. *babuša*, н.-луж. *babuša*), а не преобразование *busia < habusia* (с. 174). Правда, толкование каждого конкретного случая при наличии словообразовательно-мотивационных отношений в самом диалекте требует индивидуального анализа. Так, пожалуй, следует признать правомерность гипотезы об образовании *č'osadlo* 'топор, тесло' как кашубского производного от *č'osac* 'обрабатывать дерево топором': хотя известно праслав. **česadlo* (см. выше), производное от **česati*, но для последнего не реконструируется семантика обработки дерева (с. 252). Вместе с тем, вряд ли можно исключить и вероятность вторичности значения 'топор, тесло', появление которого у унаследованного из праславянского языка кашуб. *č'osadlo* было стимулировано семантическим изменением производящего глагола.

С другой стороны, именно пристальное внимание к диалектному окружению лексемы позволяет авторам в ряде случаев избежать ее "удревнения", убедительно вскрывая словообразовательные связи на собственно диалектной почве: см., например, *č'qdło* 'крошка, малое количество' – вторичное расширение *čqd* 'часть, количество', типа *břěχlo*. *ž'elazło* (с. 256–257).

Весомость авторской аргументации определяется в значительной степени тщательностью словообразовательного анализа. При этом в поле зрения авторов находятся как регулярные, продуктивные словообразовательные модели (кашубские, польские, праславянские), так и редкие, и нерегулярные преобразования, типа вторичного присоединения *-li* к прилагательным – см. *cavni* 'цельный' (с. 190), сокращения лексемы за счет начального слога – см. *č'mišk* 'ячмень на глазу' < *jašm'išk* (с. 249), частичного калькирования – см. *hidroga* 'грунтовая дорога, идущая параллельно шоссе' при нем. *Beiweg* (с. 115). Но специфика модели не всегда оговаривается: так, для *barknec* 'болеть вертячкой' (с. 88–89) следовало бы указать способ преобразования *-nq-* основы **brknqti* в *-nč-* (хотя это не единственный случай); относительно *č'arměslě* 'кормосысло' (с. 225) – признать редкость

(если не единичность) суф. *-ysl-* (что снижает достоверность этимологии, даже при ее наибольшей вероятности в сравнении с другими толкованиями). Некоторые толкования словообразовательных связей могут быть оспорены: *bréda* 'болтун' – скорее производное не от *brězъc* (с. 140), которое бесспорно отыменное, а от *brěsc*; реконструкции исконной формы суф. *-fi-* в *čemžec* 'кое-как, медленно делать' и *skamžec* 'докучливо просить', при предполагаемой производности от корня **čem-* (с. 230), противоречит вероятности родства с этими глаголами инославянских чеш. (валаш. и ляш.) *oskomízat se* 'медлить, колебаться', *obskomízati* 'глазеть', рус. (ряз.) *скамёзливый* 'разборчивый в еде, привередливый', укр. (мелитол.) *комизіція* 'упираться, упорно не желать чего-л.', которые свидетельствуют о суф. *-ěz-* (ср. далее рус. ряз. *камётъ* 'томиться при долгом ожидании чего-л., торчать')¹.

В статье о *čalkac* 'ползать' указание на вариантность экспрессивных элементов *-k-*: *-g-* (ср. *čalǵac*) (с. 224) можно было бы дополнить формой с *-x-* расширением – в.луж. *čelchač* 'бродить, слоняться из угла в угол'.

Тщательно разрабатывается в SEK семантический аспект устанавливаемых генетических связей лексем, с опорой на семантику целых этимологических гнезд и на семантические параллели из инославянских языков. Лишь в случае *baraboně* 'дальний угол; гористое безлюдное место' отсутствует семантическое объяснение предполагаемого родства со звукоподражаниями типа польск. *barabanić* 'болтать' (с. 84–85), а в статье о *sac* 'потомство' (только во фразеологизме: *Jaká sac, taka mac*) удивляет готовность признать это слово народноэтимологическим преобразованием слова *nac* 'ботва' (*Jaká mac, taká nac*) (с. 188–189) без реконструкции первичной семантической мотивации всего выражения (**mati* в значении 'корень?'). Возможны некоторые дополнения к предлагаемой в статьях семантической аргументации: *bazarni* 'педостойный, постыдный' (с. 94) – ср. рус. *базарный* 'непристойный, п л о щ а д н о й'; *bestřec* 'чистить, обдирать кое-как; делать кое-как' (с. 104) – ср. рус. (смол.) *нестрпѣть* 'жадно есть' (СРНГ 26, 317); *bičec sa* 'дуться' (стр. 160) – ср. рус. *бўка* 'угрюмый человек'. Вероятность охарактеризованного как "не до конца ясное" образование *buska* 'сосуд, игольник' от *busa* 'ступича колеса' (< фран. *busse* то же) (с. 173) подтверждается связью рус. *ступна* (= 'сосуд для толчения') и *ступница* (помимо 'емкости', еще и 'объект втыкания спиц'). Семантическим основанием для образования *běkčec sa* 'волноваться' от *běka* – не только 'загнутая рукоять трости', но и 'молоток для насадки мельничного жернова; мотыга; крючок' – представляется не образ волнующихся, изгибающихся морских волн (с. 111), а мотив возбуждения, подстрекания, стимуляции острым предметом.

Очень интересен отмеченный в SEK факт преобразования значения вследствие народноэтимологических ассоциаций: *barkowac sa* 'бороться, меряться силой, о б н я в - ш и с ь за плечи' < праслав. **barati*, но ср. *bark* 'плечо' (с. 89).

Весьма существенным и ценным структурным элементом ряда словарных статей является указание гетерогенных омонимов, см. статьи *berika* (с. 182–183), *bělon* (с. 185), *cknac* (с. 205); подобная практика (впервые обоснованная в проспекте бrienского этимологического словаря славянских языков²) очень полезна для наиболее объективного сообщения информации о морфо-семантическом поле слова и авторской точки зрения на границы семантического разветвления гнезда.

Как и в других этимологических словарях, авторы SEK прибегают нередко к реконструкции "промежуточных" форм, не зафиксированных непосредственными продолжениями в известных источниках, но предполагаемых производными лексемами: см., например, кашуб. **blěsęx*, **blěsęxa* – как производящая основа для *blěsęxowac* 'смотреть исподлобья' (с. 124), **čubra* – для *čubrac* 'таскать за волосы' (с. 260). И так же, как и в других этимологических трудах, здесь следовало бы графически отличать эти реконструкции (например, двойным астериском) от реконструкций, базирующихся на зафиксированных непосредственных продолжениях, типа **blěšiti* (> кашуб. *blěšęc sa*) в той же статье *blěsęxowac* (с. 124).

SEK создается в благоприятных научных условиях: есть обширная кашубско-словинская лексикографическая база, есть Атлас кашубских диалектов, современный этимологический словарь польского языка Ф. Славского (хотя и не заверченный), законченные или значительно-продвинутые этимологические словари других славянских языков и, наконец, этимологические словари праславянского языка. Объединение в этих

словарях результатов наиболее существенных этимологических исследований дает возможность авторам SEK избежать объемных библиографических справок путем отсылки к другим словарям, особенно это касается праславянских толкований (где решительно преобладают отсылки к SP). Разумеется, цитируются этимологические исследования последнего времени, не учтенные ранее вышедшими словарями, но, кажется, есть пропуски более старых версий: так, в статье о *čvařec* 'болтать, врать, плохо работать' (с. 268–269) следовало упомянуть сопоставление с *tvor-* (см. Miklosich 37), а в статье о *čaměc* (с. 213–214) – реконструкции вариантов в гнезде **ščem-/*skom-* (см. Miklosich 38; Berneker I, 167).

Этимологические толкования в SEK отличаются, как правило, тщательностью и объективностью, проявляющейся и в изменении в ряде случаев авторских (ранее опубликованных, например, Г. Поповской-Таборской) версий, и в признании неясности ситуации для некоторых лексем. SEK содержит много оригинальных и убедительных толкований: см. например, *blón* 'белое облако' < **bolnz*, родственного **bolna* (с. 129–130); *čačko* 'колесная чашечка' < *čaška* 'череп' < праслав. **čašьka* (с. 210); *čabakovac sq* 'бороться, меряться силой' – к **čabati./*čapati* 'ударять' (с. 206–207); *čisec* 'подпирать огонь, помешивая' < праслав. **kysěti se, *kysiti se* (с. 242–243; автор отказывается от фонетически противоречивой реконструкции **kysěti* – см. ЭСБМ V, 47 и ЕСУМ II, 440–441, но ср. **kyšati* в ЭССЯ 13, 277–278); *čqžavica* 'менструация' – от *čqd* 'период времени' (с. 257); *čtac* 'испражняться (о скоте)' < **drьstati* (с. 257–258). Неточности редки: к ним можно отнести упоминание в статье *bělni* 'хороший, достойный, большой' (< праслав. **bylьnъjь*) в качестве родственного образования с.-хорв. *đbilan* (с. 112, с ошибочной отсылкой к ЭССЯ), которое (независимо от этимологических толкований) содержит корневое *i* < праслав. **i* (ср. русск. *обильный* и т.д.). Лишь в некоторых случаях представляется предпочтительным другое (не упоминаемое авторами) этимологическое толкование: *bfeze* 'рассветает', при всех возможностях формального и семантического сближения с гнездом **bresti, *broditi* (с. 140), все-таки нельзя не сопоставить с **brězгati, *brěždžati*; приведенное в статье о *-čarapic* 'загрывать, захватывать' в качестве родственного блр. *чарáпкаца* 'влезать, карабкаться' (с. 221–222) должно повлечь за собой и рус. *карабкаться*, и *корабать*, что вряд ли объединимо с **carapati*; для *čečěbec* 'вянуть, сохнуть', относительно которого предполагается связь с **čeznqti* (с. 226–227), возможна, кажется, производность от **rьšьjь*.

Предлагая генетические характеристики отдельных лексем, этимологический словарь каждого славянского языка в целом представляет для славянской исторической лексикологии огромный интерес в двух аспектах: как генетическая характеристика лексического фонда данного языка (включая и его отношение к родственным языкам) и как источник пополнения сведений о праславянском лексическом фонде (возможных древних диалектизмах, архаичных структурах и значениях). Разумеется, вошедший в I том SEK объем словника (А – Ć) – еще слишком малая для обсуждения этих вопросов часть кашубской лексики, но некоторые материалы (впервые так целенаправленно и дифференциально по отношению к польскому объединенные) можно отметить. Прежде всего, скрупулезно отмечаемые в SEK схождения кашубской лексики с лексикой польских диалектов обнаруживают обилие этих связей, особенно с кочевским диалектом, что подтверждает условность определения кашубского как особого языка. Что же касается (лексических) отличий кашубского от общепольского, то здесь решительно преобладают немецкие заимствования и экспрессивные образования. Следует специально отметить, что в SEK вскрывается заимствованное происхождение многих кашубских слов (помимо описанных ранее): например, см. *bońic* 'украшать' < н.-нем. *bohnen* 'полировать' (с. 133), *brěx* 'ребенок' < н.-нем. *bröch, brech* 'живот' (с. 141), *cäber* 'большая полукруглая сеть' – из нем. *Zober, Zuber* 'деревянный ушат' (с. 191), *cäkak sq* 'ругаться' – из нем. *sich zanken* 'сориться' (с. 191), *čičäpa* 'овца' – из н.-нем. *Titschap* 'овца, доросшая до расплода, и т.д.' (с. 239), *čikac* '(стойл) мокрая и холодная погода' – ср. н.-нем. *schitkolt* 'мокрый и холодный' (с. 240), *čučubak* 'на закорках' – ср. нем. *huckepack* то же и диал. прус. *Hubback, Huckeback* (с. 261), *čötovac* 'экономить, скражничать' – ср. ср.-нем. *schöten, schäten, schotten* 'собирать набирать' (с. 254–255). Автохтонные лексические отличия от общепольского языка представлены, помимо отмеченной выше продуктивности экспрессивных образований, специфическими словообразовательными структурами, типа *bolësti* 'толстый' – производное от **bolьjь* с суф. *-ist-* (с. 133), *boradina* 'силач' – от *bora* то

же с суф. *-ěd-ina* (с. 134), *bořěš* 'богач, хозяин' – от *bora* 'силач' с суф. *-yš* (с. 135–136), *brodruz* 'род сети' – от **broditi* с суф. *-uz* (с. 146), *břostvo* 'береста' – от **berstal*bersto* с суф. *-stvo* (с. 156); может быть – скорее уподобление образованиям с этим суффиксом(?), *bãiki* мн. 'борьба' < **bědъky*, от **bēditi se* (с. 179), *č'erňava* 'пронизывающий холод' – от *č'ěrnyq/c'ěřnyq* 'коченеть' с суф. *-'ava* (с. 196), *bělno* 'почти' < **by-le-no* (с. 112). В большинстве случаев наиболее вероятно образование подобных кашубских лексем, не известного польскому языку, на собственно кашубской почве. Но и среди них есть сходения с лексикой других славянских языков типа *břodník* 'невод для подледного лова' – рус. диал. *брѣдник* 'род сети' (с. 155).

Более значимы сходения явно архаичных структур праславянского происхождения, сближающие кашубский с другими славянскими языками, минуя, однако, польский: см. *bivši* – рус. *бывший* (с. 117), *bezla* 'подле' < **vъz-dblě* (есть в рус. и укр., с. 105), *blězě* 'близко' – адвербиализованная форма местн. ед. м.р. от **blizъ*, представленная еще в ю.-слав., др.-рус. и рус. диалектах (с. 125), *błozno* 'санный полоз' < праслав. **bolъzno*, ср. рус. диал. *бблозно* (с. 128), *čex* 'подросток' – ср. словен. *čeh* 'подросток; пастух' (с. 227), *břesc* < **bresti* (с вторичным вокализмом, с. 143), *č'rnq* 'потереть, коснуться' < **třnqti* (с. 192), *ces, cēs* 'через' < **čerstъ* (с. 196), *č'ep* 'макушка, верхушка (горы, дерева)' < **čirъ* (с. 235–236), *č'epařec* 'рыться' < **čepariti* (с. 230), *česla* < **česla* (с. 233). Примечательны случаи сохранения в кашубской лексике праславянского происхождения более древних фонетических форм, чем в польском: см. *č'ěrnyq* 'присесть на корточки' – при польск. *ciřnyq* (с. 236–237), *č'ěřep* 'чашка' – польск. *trzap* < **č'erpъ* (с. 238–239), *č'estovac* 'угощать' – польск. *częstować* < **č'ystovati* (с. 234). Таким образом, кашубская лексика имеет специфические, частично отличные от польского генетические связи с праславянским языком и на его почве – с другими славянскими языками.

Для реконструкции праславянского состояния лексики существенны как приведенные данные о наличии рефлексов известных уже праславянских образований на кашубской почве (в том числе в виде вторичных расширений типа *č'ěrni* 'чистый' – от **č'irъjъ*, с. 238), так и в еще большей степени обнаружение в кашубской лексике продолжений специфических вариантов праславянских образований, не известных другими славянским языкам. Из лексем этого рода в I том вошли знаменитое еще со времени публикации словаря Б. Сухты *č'arměslě* 'коромысло' (с. 224–225) и *cknyq* 'чувствовать запах, нюхать' < **č'chnqti* – при **č'uchati*, **č'uchqti* в других языках (с. 204–205).

И в семантическом плане кашубская лексика представляет много интересных случаев специфического развития: см. *bãdac* 'бодать' и 'читать' (с. 96–97), *cěšk* 'тоска, желание' – от **ęgti* (с. 200), *ceceřva* 'лестница' < **ętiva* (вероятно развитие значения в бортичской среде, с. 193–194), *cěsk* 'беспокойство, страх' < **tiskъ* (с. 200), *č'agla* 'подросток' – от *š'čigel* 'щегол' (с. 223–224), *blasknyq* 'посмотреть' (с. 119), *blěščava* 'пасмурная погода' и *blěščec sa* 'хмуриться' (с. 122), *břid* 'кора дерева, хворост' < **břidъ* 'острый' (с. 153), *brěžžec* 'жарить, готовить кое-как' (с. 145), *bartifik* 'богач' < **břtynikъ* (с. 91). С точки зрения реконструкции праславянской лексики существенны семантические архаизмы кашубских диалектов типа *břesc* 'чрезмерно выпуклая часть ноги' < **brъustъ* (в других языках – названия частей ноги, с. 151–152), *blôn* 'белое облако на голубом небе' < **bolna*, ср. **bolna* 'болота дерева' (с. 129).

Рецензируемый словарь привлечет к себе особое внимание диалектологов-этимологов. Проблема создания диалектных этимологических словарей уже неоднократно поднималась диалектологами (в частности, обсуждалась на I и II совещаниях по русской диалектной этимологии в Екатеринбурге в 1991 и 1996 гг.). В качестве важнейшего аргумента в пользу создания именно региональных этимологических словарей иногда выдвигается необычайная трудоемкость глобальной этимологической обработки всей лексики, например, русского языка³. При всей весомости этого аргумента, следует, кажется, обратиться к идее диалектного этимологического словаря не столько как к вынужденному ограничению, сколько к научно необходимому самодостаточному проекту, который способен аккумулировать и разработать генетическую характеристику лексики диалекта, выявить его специфические связи с общенародным языком и внести новые, свежие материалы в изучение праславянского языка. I том SEK свидетельствует о перспективности таких предприятий, осуществляемых творческим сотрудничеством диалектологов и этимологов.

Завершая обзор этого капитального и новаторского этимологического труда, следует отметить высокое качество полиграфического исполнения (хотя приходится сказать, что в современном этимологическом словаре передача кириллицы латинским шрифтом представляется неудобным для читателя-специалиста упрощением).

Ж.Ж. Варбот*

Примечания

- ¹ Варбот Ж.Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. III // Этимология. 1973. М., 1975, 27–29.
- ² *Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. ČSAV. Brno, 1966.*
- ³ См. Аникин А.Е. Этимологический словарь заимствований в русских диалектах Сибири. Пробный выпуск. Новосибирск, 1995, 3–4 (Предисловие).

F. Bezlaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Tretja knjiga. P–S. Dopolnila in uredila Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana, 1995.

Выход в свет третьего тома "Этимологического словаря словенского языка" без всякого преувеличения можно отнести к значительным событиям славистики последнего времени. Как известно, у истоков словаря стоял акад. Ф. Безлай, им разработана концепция словаря, подготовлены первые два тома, которые увидели свет в 1976 и 1982 гг. Работа над третьим томом протекала трудно, акад. Ф. Безлай был уже тяжело болен, 27 апреля 1993 года его не стало. И возникло опасение, что словарь Безлая разделит судьбу многих словарных предприятий, успешно начатых, но в силу разных причин так и не доведенных до конца. К счастью, этого не произошло. Остались ученики Марко Сной и Метка Фурлан, которые взяли на себя нелегкий труд и сумели за сравнительно короткое время подготовить и издать давно ожидаемый третий том этимологического словаря словенского языка. Естественно, что эта работа потребовала от исследователей концентрации усилий, целеустремленности и незаурядных знаний в области славянского и индоевропейского языкознания. Опыт и навыки этимологического анализа и словарной работы они получили от своего учителя, под руководством которого работали над словарем, начиная с 1981–1983 гг. Молодые исследователи, прошедшие школу Б. Чола и Ф. Безлая, уже хорошо известны в науке своими исследованиями в области этимологии, славянского, индоевропейского языкознания. Докторская диссертация М. Сной посвящена проблеме развития праслав. *z* из индоевропейского *s* в свете последних достижений акцентологии; в сферу его научных интересов входят албанский язык; вопросы славянской акцентологии¹. М. Фурлан подготовила и защитила в качестве докторской диссертации исследование по хеттскому языку². Широкая индоевропейская подготовка определяет во многом направление и подход авторов к решению задач славянской этимологии. Словарь создавался в атмосфере творческого общения, в обсуждении этимологически трудных случаев принимала участие А. Шивиц-Дулар, которая в начале своего творческого пути, сразу после окончания Университета, некоторое время работала в словаре Безлая. Ей принадлежит большое интересное исследование, посвященное реконструкции этимологического гнезда с корнем *god-* в славянских языках³. В кратком предисловии к третьему тому М. Фурлан и М. Сной приносят глубокую благодарность своим великим учителям. На титульном листе акад. Ф. Безлай обозначен как основной автор словаря, и в этом проявлении глубокого уважения к выдающемуся ученому, так много сделавшему для историко-этимологического изучения словенского языка, хотя справедливости ради нельзя не отметить, что в III томе большая

* © Ж.Ж. Варбот